

УДК 304.2

## **ДИАЛЕКТИКА ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО В ВОСПРИЯТИИ БРАКА И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУСИ В ДОПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ**

*Жилинина Наталья Александровна*, преподаватель, Кузбасская православная духовная семинария (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: zhilianina@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные в настоящее время вопросы истории и культуры семейных отношений на Руси в допетровскую эпоху. Сейчас причины многих современных социальных проблем принято искать в реформах, проведенных Петром I в XVII веке. Однако уже в допетровскую эпоху наметилась парадигма культурного развития русского общества, которая в последующее время дополнялась, изменялась и переоценивалась. Рассмотрение указанного периода тем более актуально, что позволяет увидеть первопричины возникновения многих кризисных явлений в жизни современного общества. Семья как ценность в российской культуре сложилась не сразу, для этого потребовалось значительное время. Один из этапов этого развития культуры семьи в русском обществе предлагается к рассмотрению. В указанное время характер социальных отношений на Руси можно определить как «обрядовое благочестие». Явление это в целом противоречивое, поскольку возникает резонанс между внешними формами семейной жизни людей и нравственным содержанием этих форм. Как причины этого резонанса в статье указываются: во-первых, характер христианизации русских людей и, как следствие, сохранявшееся долгое время полужыческое восприятие христианской веры; во-вторых, общий низкий уровень образования и просвещения основной массы населения; в-третьих, недостаточное осознание обществом того времени возможностей развития семейных отношений.

**Ключевые слова:** культура семейных отношений, православная культура, средневековая семья на Руси, положение женщины, Домострой, обрядовое благочестие.

## DIALECTICS OF EXTERNAL AND INTERNAL IN PERCEPTION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA DURING THE PRE-PETRINE PERIOD

*Zhilyanina Natalya Aleksandrovna*, Instructor, Kuzbass Orthodox Theological Seminary (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: zhilianina@yandex.ru

In the article, the questions of history and culture of the family relations during a pre-Petrine period in Russia which are actually now considered. Now it is customary to look for the reasons of many modern social problems in the reforms having been carried out by Peter I in the 17th century. However, during pre-Petrine period, the paradigm of cultural development of the Russian society had already been outlined and supplemented, changed and revalued in the subsequent time. It is necessary to study culture of the Russian society during this period. It is so possible to see the prime causes of emergence of many crisis phenomena in life of modern society. The family as a value in the Russian culture had not developed directly, it required considerable time. One of stages of this cultural development of a family in the Russian society is offered to consideration. At the appointed time, the nature of the social relations in Russia can be determined as “ritual piety”. The phenomenon is in general contradictory as there is a resonance between the external forms of people’s family life and the moral content of these forms. The reasons of this resonance mentioned in the article are: first, it is the nature of Christianization of the Russian people and, as a result, the remaining semi-pagan perception of Christian belief for a long time; secondly, it is the total low level of education and enlightenment of most people; thirdly, it is insufficient understanding of opportunities of the development of the family relations by the society at that time.

**Keywords:** culture of family relations, Orthodox Culture, medieval family in Russia, position of woman, Domostroy, ceremonial piety.

Культура брака и семейных отношений на Руси на протяжении всего своего существования находится под воздействием христианской и языческой парадигм. Христианство, достаточно быстро свергнув идолопоклонство и заняв центральное место в официальной религиозной жизни всего русского народа, не смогло, однако, вытеснить язычество из сферы семейно-бытовых отношений. Этому можно назвать несколько причин. Во-первых, язычество древних славян находилось на слишком низкой ступени своего развития, чтобы серьезно противостоять распространению христианства. Это был период перехода от поклонения силам природы до олицетворения этих сил в личных образах [5, с. 11]. Также общинный менталитет русских людей требовал от них следовать примеру князей и бояр, которые «если бы новая вера была не хороша... не приняли бы ее» [5, с. 6]. По богослужебному развитию славянская языческая религия находилась в переходном состоянии от домашнего культа к общественному. Поэтому уничтожить небольшие капища, свергнув идолов и заменив их православными храмами, было не

самой сложной задачей для христианских миссионеров. Высшие божества славянского пантеона были забыты достаточно быстро. Но ни духовная, ни гражданская власть не имела возможности войти в частные дома и запретить отправления домашнего культа [5, с. 12]. Эти домашние обряды сохранялись очень долгое время. Большинство из них были тесно связаны с семейно-бытовыми отношениями, со значимыми для семьи событиями, такими как свадьба, рождение ребенка, похороны.

После крещения Руси следующим поворотным моментом в истории нашего государства стало свержение монголо-татарского ига. На первый план выходят, конечно же, негативные последствия: разрушенные города, храмы, монастыри, угнанные в плен люди, жестокие поборы и грабежи. Киевская Русь фактически перестала существовать. В результате только начального монгольского погрома были разрушены 49 городов из 74, были уничтожены памятники культуры, количество уведенного в плен населения составляет 10 % [2, с. 22]. Тем не менее влияние трехсотлетнего татарского владычества не сосре-

доточивается только на внешних разрушениях и бедствиях. Русские люди начинают думать иначе, чувствовать иначе и верить иначе. Русские князья понимают необходимость объединения. Там, где кровное родство оказалось бессильным и не могло помешать постоянным междоусобицам, повлияли единство православной веры и сильный внешний враг. Победа над татаро-монголами оказалась возможной благодаря процессам, произошедшим в обоих государствах: и на Руси, и в Золотой Орде. Происходит заметное ослабление Монголии после смерти Чингис-Хана, укрепление и объединение русских княжеств вокруг Москвы. На смену Киевской Руси приходит Русь Московская. Зарождение и развитие в XVI веке идеи «Москва – Третий Рим» является продолжением процессов, начавшихся незадолго до победы на Куликовом поле.

В культурном плане все это означает расцвет русской национальной идеи. Освободившаяся от ига Русь по-новому смотрит на свое предназначение в мире. Вновь построенные храмы и монастыри наполнились верующими людьми. Это уже несколько иной уровень обращения к христианству. Если воспитанные в язычестве поколения напоминали маленьких детей, которым рассказали про Единого Богу-Троицу и которые вроде бы и поверили, но в то же время не хотели расставаться со своими старыми игрушками-идолами, то победившие монголо-татар уже могли вполне осознанно благодарить Бога за эту победу.

Светская культура до Петровских реформ фактически ограничивалась русской национальной идеей и ни в чем не противоречила христианской культуре. Процесс секуляризации начнется позднее, когда в обществе назреет недовольство реальным положением вещей. А в XV–XVI веках все русское общество единодушно стремится к христианскому идеалу жизни. Это проявляется во всех сферах и не может не влиять на культуру семейных отношений.

В общественной идеологии этого времени безоговорочно господствует образ монашеского жития. А. И. Алексеев отмечает, что «впервые влияние монашества на русское общество становится заметным в XV веке, в XVI веке это влияние достигает своего апогея, а в XVII столетии постепенно идет на спад» [1, с. 51]. Путь монашеский, путь «ангельский» всеми признается

за бесспорный эталон земного пути человека. Практически в каждой семье кто-либо из детей уходит в монастырь. Более того, в быт семейных людей входит такое понятие, как «монастырь в миру». Люди стремятся всю свою жизнь подчинить строгим правилам, близким к монастырскому уставу. Когда дети становятся взрослыми, многие благочестивые супруги по договоренности между собой принимают монашеский постриг. Это даже становится своего рода традицией.

Семья как таковая не является культурной ценностью. Плотские отношения между супругами воспринимаются как нечто нечистое, как неизбежное зло ради продолжения рода, на них накладывается множество ограничений. Эти ограничения не имеют никакого обоснования в Евангелии или в ранних творениях святых отцов, однако оказываются очень устойчивыми в русской христианской традиции, и некоторые из них сохраняются даже до настоящего времени.

Существует яркое и неоднозначное свидетельство, характеризующее в полной мере быт и нравы людей этого времени. «Домострой», написанный протопопом Сильвестром Медведевым в XV веке, – произведение в некотором роде уникальное.

«Домострой» регламентирует жизнь с хозяйственной и с духовной стороны. Хозяйственная часть посвящена множеству бытовых вопросов от ремонта саней до засолки грибов. Логическим продолжением «Домостроя» стала известная всем в советское время книга под названием «Домоводство», в которой также можно найти указания и советы относительно семейной жизни.

В «Домострое» глава семьи, отец, ставится на уровень абсолютного господина как над слугами, так и над домочадцами. Он имеет неоспоримое право решать все насущные вопросы, распоряжаться всем имуществом, наказывать провинившихся по своему усмотрению. Супруга и дети юридически приравниваются к собственности главы семьи и не имеют права голоса [6, с. 47].

Необходимо отметить, что протопоп Сильвестр не выдумывал что-либо от себя, его произведение лишь отражает господствовавшие в обществе взгляды на семью и на роль женщины в ней. Как пишет О. А. Огородникова, «брак-договор не допускал свободного выбора будущего брачного партнера по взаимной любви, за исключением

случаев, когда жених был зрелым состоявшимся человеком и самостоятельно вел переговоры о будущей свадьбе» [8, с. 58]. Необходимо признать, что участь женщины в то время была достаточно тяжелой. Молодые девушки еще пользовались относительной свободой, могли участвовать в гуляньях, в хороводах. О том, что происходило за стенами терема и какой была частная жизнь семьи того времени, достоверных сведений сохранилось немного, а выводы, которые следуют из них, бывают достаточно противоречивыми. Так, очень многие исследователи-историки в своих умозаключениях опираются на письма и дневники путешественников-иностранцев, посещавших Россию в указанный период. Сигизмунд Герберштейн, например, пишет, что «положение женщин на Руси в XVI веке было весьма плачевным: мужчины не верят в честь ни одной женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит; мужчины не признают женщину целомудренной в том случае, если она дает на себя смотреть посторонним или иностранцам. Заключение дома женщины только прядут и сучат нитки» [2, с. 23]. После замужества, совершившегося исключительно по воле родителей, женщина оказывалась фактически запертой. Жизнь простых женщин, наполненная тяжелой работой и домашними хлопотами, допускала проявление определенной самостоятельности и свободы в поведении и общении. Для представительниц высших сословий самоутверждение в обществе практически исключалась, их существование была эмоционально бедным, монотонным и предсказуемым. Мир знатной женщины был ограничен теремом, который она покидала крайне редко и обязательно с согласия главы семьи [8, с. 59]. Другой иностранец, итальянский дипломат Амброджо Контарини в своем «Рассказе о путешествии в Москву в 1476–1477 годах» особо отмечал тяжесть и монотонность ежедневной работы, которая ложится на женские плечи: независимо от социального положения нравы и культурные традиции, а также уставы Церкви не позволяли женщине пребывать в праздности, разве что в тяжелой болезни. Это касалось практически всех жен и дочерей из высших сословий на протяжении всей допетровской эпохи.

По традиции молодые супруги отправлялись жить в дом родителей мужа, и отношения невест-

ки со свекровью, обладавшей реальной властью в доме, складывались не всегда по-родственному. Лишенная возможности применять и проявлять где-либо свои способности и таланты, кроме ведения хозяйства, женщина могла проводить свое время за рукоделием или чтением священных книг (грамотной была меньшая часть населения). Иногда в доме останавливались странницы, которые рассказывали об иных землях, о чудесах, передавали сплетни и сочиняли сказки.

Если в доме были слуги, которые выполняли всю основную работу, то у хозяйки было всего два пути: строить «монастырь в миру», уходить полностью в молитвенную жизнь либо предаваться обжорству, пьянству и пустословию [5, с. 102]. Поэтому жесткие требования, которые предъявлялись к женщине, с одной стороны, не давали развиваться различным порокам (очень строгое, даже жестокое отношение было к блудницам, неверным женам), а с другой стороны, воздействуя лишь только внешним образом, не снимали внутренних противоречий семейной жизни того времени.

Это наиболее распространенная точка зрения на культуру семейных отношений допетровской эпохи, согласно которой женщина все время своей жизни находилась в крайне угнетенном положении, на правах служанки или рабыни была вынуждена терпеть любые прихоти и требования своего мужа, неся на своих плечах всю тяжесть домашних забот и имея очень мало (не имея совсем) времени и возможностей для отдыха и развлечений. Этот взгляд на положение женщины сложился еще в XIX веке в трудах таких исследователей, как А. В. Терещенко (книга «Быт русского народа»), И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров (см. [9, с. 145]). Многие придерживаются такого мнения и в настоящее время. Профессор С. Н. Гавров считает, что «патриархальная семья и патриархальные семейные отношения... воспроизводят авторитарную социокультурную традицию, характеризуемую отсутствием у людей гражданских прав, политическим и экономическим угнетением личности» [3, с. 12].

Если рассмотреть другие документальные свидетельства, то мы увидим, например, что «самостоятельное распоряжение женщин землей было распространенным явлением для XV–XVI веков. Сохранившиеся акты земельных

сделок говорят о прекрасной осведомленности многих грамотных женщин того времени в ценах на землю и постройки на ней. Вопросы, связанные с покупками дорогостоящих товаров или значительных земельных массивов, очень часто оказывались в центре повседневных раздумий умных и рачительных хозяек из среды аристократии. В сохранившихся летописях и актах, описывающих быт и юридическую реальность только в XIV–XV веках, число сведений о распоряжении женщин землей достаточно велико» [2, с. 24] и в совокупности составляет около 20 %.

При этом статус семейной женщины был достаточно высоким, к нему стремились, и «самым большим несчастьем для девушки было остаться незамужней. Даже самая неподходящая партия – партнер, имеющий психические отклонения, пьяница, даже преступник, – предпочиталась одиночеству. К “старым девам” относились настороженно или вовсе издевались и насмехались над ними, используя богатый арсенал оскорблений, среди которых наиболее обидным было прозвище “вековуша”. Бытовало мнение, что одинокой остается женщина, имеющая серьезные физические или моральные проблемы» [8, с. 58]. Средневековое общество оставалось типично патриархальным, главенствующая роль отводилась мужчине. Однако только вместе муж и жена составляли «дом», неженатый мужчина не являлся социально полноправным членом общества и оставался при отцовском доме в подчиненном положении [8, с. 60]. Все эти факты говорят в пользу семьи, которая, по своей культурной ценности не достигнув еще вершины развития, оставалась наиболее предпочтительной альтернативой жизни людей допетровской эпохи (исключая, разумеется, ищущих монашеского подвига).

Не вызывает споров идея о том, что центром и смыслом русской средневековой семьи было рождение как можно большего количества детей. Идеальный образ русской женщины того времени – это прежде всего образ многодетной матери. Это убеждение оставалось долгое время очень устойчивым в сознании людей благодаря тому, что в основе его лежали одновременно и церковные установления, и соображения практической пользы для семьи. В условиях тяжелой работы, возможного голода, войн и других лишений многодетная семья имела больше шансов элементарно выжить.

Расторжение брака при наличии серьезных причин Православной церковью не поощрялось, но допускалось. Самой распространенной причиной была невозможность жены принести потомство. Особенно часто по этой причине расторгались династические браки. Другой нередкой встречающейся причиной было прелюбодеяние, или супружеская измена. Общество более лояльно относилось к измене мужа, чем к прелюбодеянию жены. Не всегда обвинение было доказанным, часто хватало простого навета, чтобы женщина вернулась в родительскую семью, навсегда получила наименование «пущеницы» и презрительное отношение к себе со стороны общества и родных. Жениться на такой женщине означало навлекать позор на себя и свой дом. Также допустимыми причинами для расторжения брака признавались пострижение одного из супругов в монахи, неспособность к супружескому сожитию, жестокое обращение, крайняя бедность, государственное преступление, безвестное отсутствие одного из супругов, знание о покушении на жизнь мужа и недонесение ему о том, зорное поведение, заразительная болезнь, увод жены в плен.

За всю историю Руси в допетровскую эпоху не зафиксировано ни одного случая бракоразводного процесса по инициативе жены, хотя мужчины часто использовали такую возможность. Практиковалось насильственное пострижение в монахи. К XVII веку случаи эти настолько участились, что потребовался специальный Указ (1681) патриарха Иоакима, запрещающий постригать в монахи жену при живом муже или мужа при живой жене. Нарушивший этот указ не имел права вступать в повторный брак.

Таким образом, христианская культурная традиция, особым образом преломляясь в сознании русских людей, оказывала колоссальное влияние на культуру семейных отношений, но влияние это нельзя назвать только положительным. Рядом с идеалом монашеской жизни, на второй ступени стоит жизнь семейная, совершенно не оцененная по своей внутренней силе и благодати. Приняв из христианства «букву закона», множество людей того времени замкнулось в пустом обрядоверии, совершенно исключив из своей жизни учение о Божественной любви. Брачные отношения на Руси XV–XVI веков больше похожи на ветхозаветные отношения. Учение о спасении обращено

к отдельному человеку и как бы исключает из себя семью. Патриархальный уклад, в целом здоровый и верный подход, очень часто бывал извращен и перевернут человеческой жестокостью и равнодушием.

Причины этого кроются, конечно же, не в христианской традиции как таковой. Вероятно, главной причиной можно считать общий низкий образовательный и культурный уровень людей того времени, а также особенности принятия христианства. Проблема чисто внешнего, полуязыческого восприятия вероучительных истин никуда не исчезла, она трансформировалась в жесткие застывшие формы церковных обрядов и правил, обязательных для исполнения, но никому до конца не понятных, даже большей части духовенства. По мнению П. В. Знаменского, «истинное религиозное чувство, которое оживляет обряд и преобразует нравственность человека, было мало развито» [5, с. 100].

Следует отметить, что, несмотря на все кажущиеся неразрешимыми проблемы, в любое время и в любой стране всегда встречались истинно гармоничные семейные отношения, основанные на любви и доверии. И Русь XV–XVI веков не была исключением. Но, рассматривая общие тенденции

и последствия тех или иных событий, приходится признать, что в средневековой Руси отдельная семья, хоть и являлась для основной массы населения наиболее приемлемой формой жизни, однако не достигла той стадии развития, чтобы считаться наиболее значимым явлением в жизни социума. Общество выживало и развивалось не столько за счет семьи, сколько за счет общины, которая состояла часто из дальних и близких родственников. Сами по себе отношения мужа и жены находились на периферии общинной структуры, функционировали на достаточно примитивном уровне и могли достигать совершенства лишь в единичных случаях у особо чутких и одаренных людей, но не на уровне общества в целом.

Как писал в своей книге «Брак в православии» протоиерей Иоанн Мейендорф, «величайшая святость брака, пока она живет в людях, будет жить в мире падшем и болезненном, будет нуждаться в покровительстве юридических законов и формальностей... Эта формальная, каноническая сторона церковной практики не является самоцелью для Церкви; она лишь указывает пути, по которым христианский идеал брака... может наилучшим образом проявить себя в сегодняшнем мире» [7, с. 58].

#### Литература

1. Алексеев А. И. Русские монастыри и практика общественного дисциплинирования России до начала Петровских реформ // Урал. ист. вестн. – 2011. – № 3 (32). – С. 50–54.
2. Власкина О. Н., Сипягин Н. А. Положение русской женщины эпохи Домостроя // Наука и культура России: мат-лы VIII Междунар. науч.-практич. конф. – Самара, 2011. – С. 22–25.
3. Гавров С. Н. Семья в контексте традиционного Российского общества: экономические и социокультурные аспекты // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 11. – С. 12–19.
4. Горохова О. А. Русская семья X–XVII веков как объект историко-культурологического изучения // Аналитика культурологии. – 2004. – № 1. – С. 102–103.
5. Знаменский П. В. История Русской Церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 474 с.
6. Медведев Сильвестр, протопоп. Домострой [Электронный ресурс]. – URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj> (дата обращения: 25.05.2016).
7. Мейендорф И. Брак в православии. – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 95 с.
8. Огородникова О. А. Брак и семья в Средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 58–63.
9. Яговец В. В. Статус женщины в древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. – 2009. – № 4. – С. 144–151.

#### References

1. Alekseev A.I. Russkii monastyr'i i praktika obshchestvennogo distsiplinirovaniya Rossii do nachala Petrovskikh reform [The Russian monasteries and practice of public disciplining of Russia prior to Petrovsky reforms]. *Ural'skiy istoricheskii vestnik [Ural historical bulletin]*, 2011, no. 3(32), pp. 50-54. (In Russ.).
2. Vlaskina O.N., Sipyagin N.A. Polozhenie russkoy zhenshchiny epokhi Domostroya [The status of the russian woman of the Domostroy age]. *Nauka i kul'tura Rossii. Mat-ly VIII Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. [Science and culture of Russia. Materials of the VIII-th International scientific and practical conference]*. Samara, 2011, pp. 22-25. (In Russ.).

3. Gavrov S.N. Sem'ya v kontekste traditsionnogo Rossiyskogo obshchestva: ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty [A family in the context of traditional Russian society: economic and sociocultural aspects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin Kemerovo state university of culture and arts], 2010, no. 11, pp. 12-9. (In Russ.).
4. Gorokhova O.A. Russkaya sem'ya X–XVII vekov kak ob'ekt istoriko-kul'turologicheskogo izucheniya [The Russian family of the 10-17th centuries as an object of historical and culturological studying]. *Analitika kul'turologii* [Analytic of the culturology], 2004, no. 1, pp. 102-103. (In Russ.).
5. Znamensky P.V. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]. Moscow, Patriarchal Compound of Krutitsy Publ., 1996. 474 p. (In Russ.).
6. Medvedev Sylvester, archpriest. *Domostroy*. (In Russ.). Available at: <http://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj>
7. Meyendorf I. *Brak v pravoslavii* [Marriage in Orthodoxy]. Clin, Christian life Publ., 2004. 95 p. (In Russ.).
8. Ogorodnikova O.A. Brak i sem'ya v Srednevekovoy Rusi [Marriage and a family in Medieval Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences], 2011, no. 3, pp. 58-63. (In Russ.).
9. Yagovets V.V. Status zhenshchiny v drevnerusskom obshchestve (istoriograficheskiy i metodologicheskii aspekty) [The status of the woman in the Old Russian society (historiographic and methodological aspects)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], Series 2: History, 2009, no. 4, pp. 144-151. (In Russ.).